

В. П. Скобелев

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА СУВЕРЕННОЙ БЕЛАРУСИ
(1990–2015 гг.)**

Рассматривается история становления и развития гражданского процессуального права Республики Беларусь с момента приобретения страной независимости по настоящее время. Выявлены основные причины изменений процессуального законодательства и определены тенденции и направления его дальнейшего совершенствования.

The article details the history of formation and development of the civil procedure law of the Republic of Belarus since the country gained independence to present day. The author identified the main causes of changes in procedural law and identify trends and directions for its further improvement.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право; гражданский процессуальный кодекс; реформа гражданского судопроизводства.

Key words: civil procedural law; code of civil procedure; reform of civil procedure.

Введение. В результате провозглашения Верховным Советом БССР 27 июля 1990 г. Декларации «О государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики» и последующего распада СССР в декабре 1991 г. Республика Беларусь стала самостоятельным независимым государством. Новые политические условия и стремительно меняющиеся социально-экономические реалии достаточно быстро объективировали потребность в кардинальном преобразовании правового регулирования практически всех сфер общественной жизни страны. Такая потребность обозначилась и в отношении гражданского судопроизводства, поскольку в республике продолжал действовать Гражданский процессуальный кодекс (далее – ГПК) БССР 1964 г., рассчитанный на совершенно иную систему социальных ценностей и отношений.

С того момента гражданское судопроизводство Республики Беларусь прошло хоть и не очень большой по историческим меркам, но весьма насыщенный в содержательном плане путь развития: было полностью обновлено процессуальное законодательство, в гражданский процесс введены совершенно новые институты, проведено реформирование судебной системы, начата и продолжается реформа исполнительного производства и др. Все это дает повод подвести итоги пройденного этапа развития и наметить некоторые перспективы дальнейшего совершенствования белорусского цивилистического процесса.

Основная часть. Отправной точкой в совершенствовании отечественного судопроизводства, равно как и судостроительства, явилось принятие Верховным Советом Республики Беларусь постановления от 23 апреля 1992 г. № 1611-XII «О Концепции судебно-правовой реформы». Будучи программным документом, Концепция судебно-правовой реформы определяла новые подходы к конституционному регулированию основ судебной власти (отделение судебной власти от иных ветвей власти, независимость судей и др.), предусматривала расширение сферы судебной юрисдикции, специализацию судебной деятельности вплоть до создания специализированных судов, введение апелляционного производства, возрождение мирового суда и многое другое. Среди мероприятий первоочередного характера по осуществлению судебно-правовой реформы Концепция называла разработку и принятие нового ГПК.

В связи с этим преподавателями кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета БГУ (профессором Н. Г. Юркевичем, доцентами Т. А. Беловой и И. Н. Колядко) был подготовлен и в 1992 г. представлен в Министерство юстиции проект нового ГПК. После его доработки с участием представителей различных государственных органов проект ГПК был внесен в Верховный Совет, где после некоторой корректировки был принят в 1993 г. в первом чтении [1, с. 63]. Данный проект во многом сохранял преемственность с ГПК БССР 1964 г., хотя в то же время предусматривал и целый ряд новых, прогрессивных положений (усиление действия принципов диспозитивности и состязательности, расширение круга средств доказывания, введение института заочного решения, института судебных приставов и др.) [2, с. 56]. Тем не менее по ряду причин, в том числе в связи с общественно-политической ситуацией в стране, дальнейшая работа над проектом ГПК в парламенте на несколько лет приостановилась.

Реформе гражданского судопроизводства сопутствовали очень важные события в области государственно-правового строительства. Так, 15 марта 1994 г. Верховным Советом Республики Беларусь принята первая в истории независимой Беларуси Конституция. Среди прочего она определила и фундаментальные начала осуществления правосудия, многие из которых по сравнению с советским периодом развития государства получили закрепление на конституционном уровне впервые: гарантирование каждому защиты его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки; осуществление судами правосудия на основе Конституции, законов и принятых в соответствии с ними нормативных актов; право каждого на юридическую помощь адвокатов и других своих представителей в суде; открытое рассмотрение судами дел на основе состязательности и равенства сторон в процессе; отсутствие юридической силы у доказательств,

полученных с нарушением закона; право сторон на обжалование судебных постановлений и др. Новая редакция Основного Закона страны, принятая на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г., не только сохранила названные выше процессуальные максимы, но и дополнила их положением об обязательности судебных постановлений для всех граждан и должностных лиц. Появление на высшем нормативном уровне подобных правоположений не могло не оказать влияния на содержание разрабатываемого ГПК. Более того, указанные конституционные правоположения определяют парадигму гражданского процесса вплоть до настоящего времени и должны являться ориентиром в ходе его дальнейшего совершенствования.

После оформления государственно-политических институтов, предусмотренных новой редакцией Конституции, по инициативе Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в 1997 г. возобновилась работа по подготовке нового ГПК. При Верховном Суде Республики Беларусь была создана комиссия, которая должна была доработать имевшийся проект ГПК по ряду вопросов (уточнение принципов правосудия, порядка подачи и рассмотрения надзорных жалоб, процедуры обращения взыскания на имущество организаций, правил признания и приведения в исполнение решений иностранных судов (иностранных арбитражей) и др.) с целью последующего представления его в Национальное собрание [2, с. 57].

К этому времени ГПК БССР 1964 г. продолжал действовать практически в том же виде, какой он имел на момент провозглашения Декларации «О государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики». За истекший период в него было внесено лишь несколько относительно небольших изменений и дополнений. Так, новации коснулись исполнительного производства: для судебных исполнителей было предусмотрено аналогичное исполнительскому сбору денежное вознаграждение в размере 5 % от взысканных ими сумм (Закон от 28 июля 1990 г. № 214-ХІІ); в новой редакции изложен перечень имущества граждан, на которое не может обращаясь взыскание по исполнительным документам (Закон от 14 ноября 1991 г. № 1233-ХІІ); в число оснований исполнения и исполнительных документов были включены решения нового государственного органа – Контрольной палаты Республики Беларусь (Закон от 2 марта 1995 г. № 3630-ХІІ). Произошел отход от принципа коллегиальности в осуществлении правосудия. Если ранее абсолютно все дела по первой инстанции должны были рассматриваться судьей с участием двух народных заседателей, то Закон от 11 июня 1993 г. № 2371-ХІІ ввел правило о единоличном разбирательстве дел, коллегиальность (в указанном виде) была сохранена лишь для 11 категорий дел, имеющих особое социальное или политическое значение, – о восстановлении

на работе, выселении без предоставления другого жилого помещения, установлении отцовства, лишении родительских прав, защите чести и достоинства, по жалобам на неправильности в списках избирателей и др. Некоторые корректировки частного характера претерпели нормы ГПК о взимании государственной пошлины: введена ставка государственной пошлины за подачу жалоб на неправомерные действия органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющие права граждан, и др. (Закон от 28 июля 1990 г. № 214-ХП).

Наиболее значимые как по объему, так и по содержанию изменения и дополнения были внесены в ГПК БССР 1964 г. лишь Законом от 10 июля 1998 г. № 186-З, который призван был привести данный Кодекс в соответствие с преобразованиями, произошедшими в общественно-политической и экономической жизни страны, новациями в системе органов гражданской юрисдикции, а также в определенной мере повысить эффективность процессуальной формы защиты права. В частности, из ГПК были исключены все положения, имевшие отношение к советскому прошлому (термины «советский», «социалистический», «народный», указание на СССР, его органы, должностных лиц и законодательство); отражено появление в государстве новых органов, обладающих компетенцией по рассмотрению гражданских дел (хозяйственных судов, военных судов, Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате и Морской арбитражной комиссии этого суда), а также иных национальных органов и организаций (налоговых инспекций, Национального банка и др.); регламентирована подсудность гражданских дел военным судам; оформлен окончательный переход судов к единоличному рассмотрению по первой инстанции абсолютно всех категорий дел; увеличены сроки рассмотрения дел по первой инстанции (общий – с 1 до 2 месяцев, специальные (10 и 20 дней) заменены единым сроком продолжительностью в 1 месяц); осовременены размеры судебных штрафов (вместо твердых денежных сумм судебные штрафы были установлены в кратном отношении к размеру минимальной заработной платы); уточнены с учетом изменений в системе органов гражданской юрисдикции перечни оснований исполнения и исполнительных документов; обновлен кардинально устаревший порядок обращения взыскания на денежные средства и иное имущество организаций.

Тем временем работа над новым процессуальным кодексом в течение 1997–1998 гг. была успешно завершена: новый ГПК был принят Палатой представителей 10 декабря 1998 г., одобрен Советом Республики 18 декабря 1998 г. и подписан Президентом Республики Беларусь 11 января 1999 г. Согласно ст. 562 ГПК Кодекс должен был вступить в силу со дня его офи-

циального опубликования – 17 марта 1999 г., однако Декрет Президента Республики Беларусь от 5 марта 1999 г. № 9 «О вступлении в силу Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь» в целях обеспечения синхронизации в обновлении материального и процессуального законодательства изменил порядок вступления ГПК в силу и ввел его в действие с 1 июля 1999 г. – даты вступления в силу нового Гражданского кодекса Республики Беларусь.

По сравнению со своим предшественником ГПК Республики Беларусь 1999 г. во всех отношениях явился более совершенным процессуальным регламентом. Так, общее количество статей в нем, не считая статей четырех приложений, увеличилось до 566 (ГПК БССР 1964 г. на момент утраты им действия содержал немногим более 400 статей), при этом самым крупным структурным элементом Кодекса стали разделы (изначально их было 11), которые в свою очередь были поделены на главы (лишь 2 раздела из 11 состояли только из одной главы – раздел X и раздел XI), а некоторые из глав – еще и на параграфы. Кодификация нормативного материала была проведена более тщательно и последовательно: все нормы общего характера были изъяты из Особенной части Кодекса и перенесены в его Общую часть¹. Это нормы о подсудности; о порядке исследования доказательств; о приостановлении, прекращении производства по делу; об оставлении заявления без рассмотрения и др. В результате количество глав в общей части ГПК возросло до 23 (для сравнения: в ГПК БССР 1964 г. общая часть состояла всего из 14 глав). ГПК значительно усилил состязательные и диспозитивные начала судопроизводства, максимально широким образом регламентировал подведомственность судов, демократизировал подходы к определению круга средств доказывания, ввел приказное производство, наделил кассационные инстанции апелляционными полномочиями, более полно урегулировал стадию возбуждения надзорного производства. Кроме того, при подготовке ГПК было учтено множество сделанных еще в советский период рекомендаций частного характера – относительно совершенствования отдельных норм и институтов гражданского процессуального права.

Вместе с тем, несмотря на все свои новеллы, ГПК 1999 г. сохранил тесную преемственную связь с ГПК БССР 1964 г.: ГПК 1999 г. имеет похожую структуру (в Кодексе присутствуют аналогичные разделы, главы и ставшие традиционными еще с советских времен приложения), воспроизводит, пусть и с некоторой модификацией, практически все институты своего предшественника

¹ Текстуально ГПК не использует понятий «Общая часть» и «Особенная часть», однако на уровне логического размещения норм в Кодексе подобное деление, безусловно, прослеживается: Общую часть составляют разделы I–V, Особенную – разделы VI–X.

(в том числе сохраняет прежние виды производств, формы пересмотра судебных постановлений, категории субъектов гражданского процесса и даже предусматривает возможность участия в судопроизводстве такой порожденной советской эпохой процессуальной фигуры, как представители общественности), использует его терминологию¹. Все это говорит о том, что ГПК Республики Беларусь 1999 г. сформировался под самым непосредственным влиянием советских традиций в организации гражданского процесса, или, как это принято сейчас говорить, советского типа гражданского процесса [3, с. 77–78], т. е. скорого, несложного, недорогого, доступного и достаточно эффективного процесса, рассчитанного на неосведомленного в вопросах права обывателя. Указанное влияние проявляется, в частности, в том, что ГПК 1999 г. допускает возможность оказания весьма значительного государственного и общественного содействия в защите прав и охраняемых законом интересов (посредством деятельности суда, прокурора, субъектов, названных в статьях 85–87, 90 ГПК), предъявляет достаточно простые требования к процессуальным документам, в том числе не обязывает стороны прилагать к ним доказательства, позволяет сторонам вести процесс самостоятельно, без привлечения к делу представителей, не требует от сторон процесса осуществлять юридическую квалификацию их взаимоотношений, не запрещает им представлять доказательства на этапе судебного разбирательства, а также в вышестоящих инстанциях и пр.

С момента вступления ГПК в силу (т. е. фактически за 16 лет) в него уже более 40 раз вносились изменения и дополнения. В целом можно сказать, что гражданское процессуальное право является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей в системе права Республики Беларусь. Обусловлено это следующими обстоятельствами.

Одна из главных причин, побуждавших законодателя на внесение изменений в сферу гражданского судопроизводства, связана с перманентно возрастающими объемами судебной нагрузки. После обретения страной независимости количество поступающих в суды гражданских дел по вполне естественным причинам (повышение доступности судебной защиты, рост правовой грамотности населения, появление в собственности граждан значительных материальных ценностей, бурное развитие гражданского оборота и т. д.) каждый год неуклонно росло. Так, если в 1992 г. в судах на рассмотрении находилось чуть более 100 тыс. гражданских дел [4, с. 21], то к 2000 г. их

¹ Хотя, например, термин «лица, участвующие в деле» был заменен на «юридически заинтересованные в исходе дела лица», а «заключение прокурора» – на «мнение прокурора».

количество превысило 145 тыс.¹ [5], к 2005 г. – 209 тыс. [6, с. 20], к 2010 г. – 396 тыс. [7, с. 18]. И это не считая уголовных дел и дел об административных правонарушениях, количество которых (особенно последних) в судах также значительно возросло. В то же время штат судей увеличивался гораздо меньшими темпами. В самом начале 1990-х гг. в общих судах республики исполняли обязанности 713 судей², к середине 2000-х гг. эта цифра возросла до 1022 [8, с. 9–10] и в дальнейшем, в том числе на пике нагрузки в 2010 г., кардинального увеличения не претерпела, составляя число около 1100 штатных единиц³. Столь незначительный рост судейского корпуса объясняется тем обстоятельством, что руководство Верховного Суда Республики Беларусь по не совсем понятным причинам крайне негативно относится к идее расширения штата судей, считает это тупиковым путем развития и решение проблемы судебной нагрузки видит исключительно в упрощении процессуальных форм, сокращении судебных процедур и тому подобных мерах, позволяющих сохранить (причем складывается впечатление, что сохранить любой ценой как некую самодостаточную ценность) численность судей в ее прежних пределах [9, с. 4–5; 10, с. 4; 11].

Указанные обстоятельства сыграли немаловажную роль в том, что, как уже отмечалось, еще в период действия ГПК БССР 1964 г. законодатель отказался от коллегиальности в рассмотрении судами гражданских дел по первой инстанции и в ГПК 1999 г. такой подход сохранил, за исключением дел, отнесенных к компетенции судебной коллегии по патентным делам (в 2007 г. она была переименована в судебную коллегию по делам интеллектуальной собственности) Верховного Суда Республики Беларусь. По тем же основаниям ГПК 1999 г. освободил судей от составления наиболее объемной, сложной

¹ Примечательно, что уже цифра в 137 тыс. гражданских дел в год (данные за 1997 г.) определялась заместителем Председателя Верховного Суда Республики Беларусь И. Мирониченко как огромное количество [4, с. 20].

² Информация взята из Концепции судебно-правовой реформы 1992 г., причем, как отмечено в Концепции, уже тогда (при нагрузке примерно в 100 тыс. гражданских дел в год) такая численность судей не отвечала реальным общественным потребностям, и суды осуществляли деятельность на пределе своих возможностей.

³ Такой вывод можно сделать на основе анализа динамики изменения содержания Указа Президента Республики Беларусь от 25 января 1999 г. № 54 «О некоторых вопросах деятельности Верховного Суда», определявшего численность судей высшей судебной инстанции общих судов (с 1 января 2014 г. Указ утратил силу), и Указа Президента Республики Беларусь от 26 сентября 2005 г. № 452 «Об установлении количества судей судов общей юрисдикции, президиумов Верховного Суда, областных, Минского городского судов» (до 1 января 2014 г. данный Указ регулировал численность судей в судах только районного и областного уровней).

и трудоемкой части судебных решений – мотивировочной, хотя оправданность данной новеллы носит очень сомнительный характер [12].

Аналогичные поводы вызвали появление в ГПК 1999 г. приказного производства и расширение сферы его использования: если изначально данное производство применялось в отношении 6 категорий требований, то к 2008 г. их число возросло до 14 (см. Декрет Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» (далее – Декрет № 18), законы от 5 ноября 2003 г. № 246-З, от 5 января 2008 г. № 315-З и от 8 июля 2008 г. № 376-З). Правда, в скором времени те же самые причины (к концу 2000-х гг. количество дел приказного производства в судебной практике значительно увеличилось и стало составлять примерно 40 % от общего количества рассматриваемых судами за год гражданских дел) обусловили принятие Указа Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011 г. № 366 «О некоторых вопросах нотариальной деятельности», которым практически все дела приказного производства были переданы в ведение нотариата¹, что позволило «сбить» нагрузку в порядке гражданского судопроизводства с 391 933 дел в 2011 г. [13, с. 9] до 246 570 в 2012 г. [14, с. 14]. В контексте такой тенденции сужения подведомственности дел приказного производства не может не вызвать удивления тот факт, что уже через год с небольшим другим нормативным правовым актом Президента (мы имеем в виду Декрет от 7 декабря 2012 г. № 9 «О дополнительных мерах по развитию деревообрабатывающей промышленности» (далее – Декрет № 9)) перечень дел приказного производства был расширен за счет требований о взыскании с уволенных работников деревообрабатывающих организаций сумм ежемесячных выплат, предусмотренных Декретом № 9, и (если указанные лица являются неработающими) их принудительном трудоустройстве в соответствующую деревообрабатывающую организацию.

По тем же самым причинам с 1 января 2013 г. был восстановлен административный порядок расторжения браков между супругами, согласными на развод и не имеющими общих несовершеннолетних детей и спора об имуществе. Загруженность судей, очевидно, в определенной мере оказала влияние также и на то, что компетенция судебного исполнителя в исполнительном производстве с 2010 г. начала постепенно расширяться за счет сужения соответствующих полномочий суда (законы от 28 декабря 2009 г.

¹ При этом Закон от 13 июля 2012 г. № 411-З фактически исключил рассмотрение соответствующих дел и в порядке искового производства, поскольку квалифицировал обращение к нотариусу за совершением исполнительной надписи (когда такая возможность предусмотрена законодательными актами) как необходимость соблюдения порядка предварительного внесудебного разрешения дела (ч. 5 ст. 6 ГПК).

№ 77-3, от 4 января 2012 г. № 337-3) и в конечном итоге с 1 января 2014 г. органы исполнения были вычленены из структуры судов с наделением судебных исполнителей всей полнотой власти в исполнительном производстве (см. Указ Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 530 «О некоторых вопросах совершенствования организации исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов» (далее – Указ № 530)).

Другая причина новаций в сфере гражданского судопроизводства – это развитие, усложнение материальных (а иногда – и иных процессуальных) отраслей права, требующее проведения дальнейшей дифференциации порядка рассмотрения гражданских дел, а также процедуры исполнительного производства. Например, появление в 2005 г. в ст. 93 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) нормы об обязанности родителей, чьи дети вследствие виновных действий самих родителей были помещены на государственное обеспечение, возмещать в полном объеме расходы государства на содержание данных детей, а также последующее принятие в развитие этих норм Декрета № 18 привели к закреплению в правилах искового, приказного и исполнительного производств ГПК целого ряда особенностей относительно порядка взыскания указанных средств (в том числе посредством принудительного трудоустройства обязанных лиц¹), во многом совпадавших с особенностями процедуры взыскания алиментов (законы от 19 июля 2005 г. № 37-3, от 16 мая 2006 г. № 118-3, от 5 января 2008 г. № 315-3, от 8 июля 2008 г. № 376-3, от 15 июля 2010 г. № 166-3).

Аналогичным образом происходило увеличение в ГПК числа категорий дел особого производства и дел, возникающих из административно-правовых отношений. Так, в результате вступления в силу нового КоБС 1999 г., установившего судебный порядок усыновления, глава 30 ГПК была дополнена § 10 «Особенности рассмотрения дел об усыновлении (удочерении) ребенка» (Закон от 11 мая 2000 г. № 375-3). Принятие Закона от 31 мая 2003 г. № 200-3 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» обусловило появление § 11 главы 30 ГПК, регулирующего порядок рассмотрения дел о помещении и пребывании несовершеннолетних в специальных учебно-воспитательных (лечебно-воспитательных) учреждениях (Закон от 10 июля 2007 г. № 250-3); принятие Закона от 4 января 2010 г. № 104-3 «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них» – появление § 11 главы 30 ГПК,

¹ По нашему мнению, положения о принудительном трудоустройстве обязанных лиц противоречат ч. 4 ст. 41 Конституции Республики Беларусь, а потому их нельзя было вводить не только в процессуальное, но и в материальное законодательство. То же самое следует сказать и о принудительном трудоустройстве по Декрету № 9.

регламентирующего процедуру рассмотрения дел о направлении и пребывании граждан в ЛТП (Закон от 4 января 2010 г. № 104-З), и § 6² главы 29 ГПК, закрепляющего особенности разрешения жалоб граждан на предупреждение о возможности их направления в ЛТП и жалоб на меры взыскания, примененные к гражданам во время их нахождения в ЛТП (Закон от 1 июля 2014 г. № 175-З); принятие Указа Президента Республики Беларусь от 9 августа 2011 г. № 348 «О мерах по организации сбора, хранения неэксплуатируемых транспортных средств и их последующей утилизации» – появление § 6¹ главы 30 ГПК «Особенности рассмотрения дел о признании неэксплуатируемого транспортного средства бесхозным и передаче его в собственность соответствующей административно-территориальной единицы» (Закон от 4 января 2012 г. № 337-З).

Закон от 23 июня 2008 г. № 354-З «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь» потребовал дополнения главы 29 ГПК новым § 8, предусматривающим специфику рассмотрения жалоб на некоторые решения по вопросам предоставления статуса беженца или дополнительной защиты в Республике Беларусь (Закон от 23 июня 2008 г. № 354-З). Присутствие в уголовно-исполнительном, процессуально-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве норм о праве на судебное обжалование взысканий, налагаемых на лиц, отбывающих уголовные наказания, административные взыскания и содержащихся под стражей, а также принятие Конституционным Судом Республики Беларусь решения от 27 мая 2010 г. № Р-450/2010 «О порядке реализации права на обжалование в суд осужденными к аресту, лишению свободы, пожизненному заключению, лицами, содержащимися под стражей, и административно арестованными примененных к ним мер взыскания» привело к включению в главу 29 ГПК § 6¹, посвященного соответствующей категории дел (Закон от 4 января 2012 г. № 337-З)¹.

Развитие в начале 2010-х гг. законодательства об альтернативных способах разрешения конфликтов дало повод для появления в ГПК новых видов неисковых производств. Так, в связи с принятием Закона от 18 июля 2011 г. № 301-З «О третейских судах» ГПК был дополнен главой 34¹ «Производство по заявлению об отмене решения третейского суда» (Закон от 4 января 2012 г. № 337-З), а в результате издания Указа Президента Республики Беларусь от 23 июля 2013 г. № 320 «О некоторых вопросах урегулирования коллективных

¹ Нельзя не обратить внимания на то странное обстоятельство, что дела, предусмотренные § 6¹ и 8 главы 29 ГПК, так и не получили отражения в тексте ст. 335 ГПК, хотя применительно к особому производству все вновь появлявшиеся в главе 30 ГПК категории дел одновременно указывались законодателем и в ст. 361 ГПК.

трудовых споров» – главой 34² «Производство по заявлению об отмене решения трудового арбитража» (Закон от 1 июля 2014 г. № 175-З).

Безусловно, изменения (дополнения) вносились в ГПК и для того, чтобы повысить, особенно в условиях растущих объемов правосудия, эффективность судебной формы защиты права. Представляется, что именно с этой целью законодатель снял ограничения на возможность обращения в суд в чужих интересах прокурора (Закон от 30 декабря 2002 г. № 171-З); скорректировал порядок исчисления сроков рассмотрения дел в случае совершения истцом распорядительных действий, привлечения в дело соотчетчика и при некоторых иных изменениях в процессе (Закон от 28 декабря 2009 г. № 77-З); ввел в гражданский процесс предварительное судебное заседание (Закон от 20 октября 2006 г. № 173-З) и заочное производство (Закон от 4 января 2012 г. № 337-З); закрепил ряд правил, направленных на защиту государственных секретов (Закон от 15 июня 2009 г. № 26-З), а также на защиту интересов несовершеннолетних (Закон от 4 января 2012 г. № 337-З); включил в число письменных доказательств размещенную в сети Интернет общедоступную информацию и предоставил нотариусам право обеспечивать письменные доказательства до возбуждения дела в суде (Закон от 1 июля 2014 г. № 175-З). Кроме того, Закон от 4 января 2012 г. № 337-З предусмотрел право суда по собственной инициативе составлять мотивировочную часть судебных постановлений, внедрил некоторые элементы раскрытия доказательств на этапе подготовки дела, ограничил возможности для объявления перерывов в судебном заседании и для отложения разбирательства дела, определил последствия отказа адресата принять корреспонденцию из суда, ужесточил последствия неявки истцов в судебные заседания.

Одновременно с повышением эффективности процедуры рассмотрения и разрешения гражданских дел совершенствовался и порядок исполнительного производства. Например, Законом от 10 ноября 2008 г. № 446-З к основаниям исполнения были отнесены брачные договоры, соглашения о детях и соглашения об алиментах; Закон от 4 января 2012 г. № 337-З легализовал долгое время фактически использовавшуюся процедуру индексации присужденных денежных сумм, наделил определения об обеспечении иска статусом исполнительных документов, закрепил новые меры обеспечения исполнения исполнительных документов, более полно регламентировал вопросы приостановления и завершения исполнительного производства, усовершенствовал некоторые аспекты обращения взыскания на заработную плату и приравненные к ней доходы; Закон от 12 июля 2013 г. № 55-З увеличил размеры удержаний из заработной платы и приравненных к ней доходов для некоторых видов взысканий. Однако самые существенные новеллы в сферу испол-

нительного производства (помимо новаций, обусловленных принятием Указа № 530) были привнесены Законом от 1 июля 2014 г. № 175-3 [15, с. 12–13].

Значительная часть изменений процессуального регламента связана с необходимостью приведения его в соответствие с другими нормативными правовыми актами или обеспечения их реализации. Так, согласно Закону от 1 ноября 2007 г. № 281-3 в ГПК в дополнение к секретарю судебного заседания появилась фигура секретаря судебного заседания – помощника судьи, поскольку рассмотрение гражданских дел с участием такого субъекта предусмотрено вступившим в силу в том же году Кодексом Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей. Введение в действие с 1 марта 2007 г. нового Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях привело к изъятию из ГПК Законом от 3 января 2008 г. № 307-3 всех норм о судебных штрафах (так как за соответствующие правонарушения была предусмотрена уже административная ответственность) и норм о порядке рассмотрения жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях (поскольку разбирательство таких жалоб отошло к сфере административного судопроизводства).

Систематизация налогового законодательства (изложение в декабре 2007 г. Закона «О государственной пошлине» в новой, более совершенной редакции и последующее принятие в декабре 2009 г. Особой части Налогового кодекса) обусловила исключение из ГПК практически всех норм о государственной пошлине (законы от 13 ноября 2008 г. № 449-3 и от 4 января 2012 г. № 337-3). Во исполнение абз. 7 ч. 2 п. 2 Послания о перспективах развития системы общих судов Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 (далее – Послание 2011 г.), была существенным образом расширена подсудность военных судов (Закон от 13 июля 2012 г. № 417-3). В связи с принятием Закона от 12 июля 2013 г. № 58-3 «О медиации» в ГПК получили закрепление нормы о праве сторон на заключение соглашения о применении медиации и некоторые другие связанные с медиацией положения (Закон от 12 июля 2013 г. № 59-3). Признание утратившим силу Указа Президиума Верховного Совета БССР от 29 марта 1977 г. № 1128-IX «Об утверждении Положения о товарищеских судах и Положения об общественных советах по работе товарищеских судов» повлекло изъятие из ГПК всех норм, имеющих отношение к названным юрисдикционным органам (Закон от 1 июля 2014 г. № 175-3). Недавно проведенные реформы в области судостроительства, нотариата и принудительного исполнения, регламентированные на уровне актов Президента Республики Беларусь, вызвали необходимость значительной корректировки ГПК Законом от 1 июля 2014 г. № 175-3.

Достаточно крупный блок внесенных в ГПК изменений и дополнений был продиктован потребностью приведения используемой им терминологии и понятийного аппарата в соответствие с иным законодательством, в частности законодательством о нотариате (Закон от 22 декабря 2005 г. № 76-З), о браке и семье (Закон от 5 января 2008 г. № 315-З), об органах внутренних дел (Закон от 21 июля 2008 г. № 417-З), а также жилищным (законы от 11 июля 2007 г. № 251-З и от 1 июля 2014 г. № 175-З), банковским (законы от 13 ноября 2008 г. № 449-З и от 1 июля 2014 г. № 175-З), избирательным (Закон от 4 января 2012 г. № 337-З), медицинским (законы от 7 января 2012 г. № 349-З и от 1 июля 2014 г. № 175-З) и иным законодательством (законы от 4 января 2012 г. № 337-З, от 26 мая 2012 г. № 376-З, от 1 июля 2014 г. № 175-З).

Итоги развития гражданского судопроизводства Республики Беларусь за последние четверть века позволяют обозначить некоторые тенденции и направления его дальнейшего совершенствования.

Одна из таких тенденций со знаком «минус» заключается в том, что формирование процессуального законодательства происходит практически в отсутствие какого-либо научного сопровождения. В Республике Беларусь сложилась национальная школа цивилистического процесса, ядром которой всегда была и продолжает оставаться кафедра гражданского процесса и трудового права Белорусского государственного университета [2, с. 54]. Между тем сотрудники кафедры фактически отстранены от участия в правотворчестве, а научного потенциала у государственных органов, занимающихся подготовкой проектов нормативных правовых актов в области гражданского процесса (Верховный Суд, Национальный центр законодательства и правовых исследований и др.), явно недостаточно. В итоге многие предлагаемые законодательные решения имеют непродуманный, иногда даже спонтанный характер, плохо вписываются или вообще не укладываются в систему гражданского процессуального права и т. д. Так, Закон от 9 июля 1999 г. № 285-З, которым в ГПК внесено самое первое изменение, предусмотрел, что «заявление о защите чести и достоинства Президента Республики Беларусь может быть подано в суд Генеральным прокурором Республики Беларусь, прокурорами областей, города Минска и приравненными к ним прокурорами лишь с согласия Президента Республики Беларусь». Вместе с тем последствия предъявления указанного иска без согласия Президента не урегулированы в ГПК до сих пор (очевидно, что такие последствия должны регламентироваться ст. 165 и ст. 246 ГПК).

Займствуя из ГПК РФ правило о возможности вынесения в предварительном судебном заседании решения об отказе в иске по мотиву пропуска без уважительных причин срока исковой давности (срока на обращение в суд) без исследования иных фактических обстоятельств по делу (Закон от 20 ок-

тября 2006 г. № 173-3), отечественный законодатель не учел, что вынести решение об отказе в иске по указанному основанию, не выясняя иные обстоятельства дела (наличие у истца спорного права и его нарушение ответчиком), невозможно [16].

Законом от 4 января 2012 г. № 337-3 в ГПК введены нормы о раскрытии доказательств на стадии подготовки дела, в то же время практический эффект от данной новеллы, по сути, равен нулю, поскольку ст. 260¹ ГПК предписывает сторонам обмениваться лишь копиями письменных доказательств, процедура такого обмена не определена и, что самое главное, для сторон не предусмотрено никаких неблагоприятных последствий за нераскрытие доказательств [17, с. 47].

Абзацем 8 подп. 49.2 Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205 (далее – Концепция 2002 г.), была предусмотрена необходимость разработки института вынесения судом заочного решения как меры по ускорению развития и окончания судебного процесса. В последующем в поддержку заочного производства неоднократно высказывались практические и даже научные работники [10, с. 5; 18, с. 5–6; 19], и в конечном итоге заочное производство в гражданский процесс было введено. Однако в действительности никакой потребности в заочном производстве не было, поскольку ч. 6 ст. 282 ГПК еще с момента вступления ГПК в силу допускала возможность рассмотрения гражданского дела в отсутствие ответчика, надлежащим образом извещенного о времени и месте судебного заседания. Интерес же ответчика, связанный с наличием у него доказательств, способных повлиять на разрешение спора, вполне мог быть им реализован путем кассационного обжалования вынесенного без его участия решения, так как и на тот момент, и сейчас ГПК не запрещает сторонам представлять новые доказательства в суд кассационной инстанции. Заочное производство, давая ответчику дополнительную возможность оспорить вынесенное решение путем подачи заявления в порядке ст. 334⁴ ГПК, несколько не ускоряет процесс, а, наоборот, значительно его замедляет. Кроме того, судебная практика выявила еще одну гораздо более серьезную проблему заочного производства: достаточно часто вручить ответчику копию заочного решения по тем или иным причинам не представляется возможным или вообще, или же в течение длительного периода времени, между тем момент вручения заочного решения ответчику имеет определяющее значение для исчисления срока для подачи ответчиком заявления об отмене заочного решения (ст. 334⁴ ГПК), срока на кассационное обжалование (опротестование) заочного решения (ч. 2 ст. 410 ГПК) и срока вступления заочного решения в законную силу (ч. 1 ст. 317 ГПК) [20].

Не имела надлежащего доктринального сопровождения и реформа судоустройства, осуществленная Декретом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» (далее – Декрет № 6) и способная оказать самое серьезное влияние на отечественный цивилистический процесс. Несмотря на благие цели принятия Декрета № 6 (как следует из его преамбулы, это совершенствование судебной системы, обеспечение единства судебной практики, повышение качества осуществления правосудия, дальнейшее развитие специализации судов и судей, улучшение материально-технического и кадрового обеспечения судов) и одобрение (отсутствие критики) его со стороны отдельных специалистов [21, с. 61–62, 63–65; 22; 23], значение указанной реформы переоценивать не стоит [21, с. 62–63, 65–68; 24; 25].

Реформа была проведена очень спонтанно, на что указывают сами юристы [24, с. 11], об этом свидетельствует и тот факт, что буквально накануне реформы существенным образом была расширена компетенция тех судебных органов – военных судов, которые в ходе реформы были полностью упразднены. А это значит, что реформа не была должным образом продумана: не была выяснена потребность в ее проведении, не определены механизмы, сроки достижения поставленных целей, не просчитаны ее возможные негативные последствия и т. д.

Судебная реформа не совсем согласуется с Конституцией Республики Беларусь, так как Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь неоднократно упоминается в ней как один из высших органов государства в разделе IV «Президент, Парламент, Правительство, суд», который может быть изменен только путем проведения референдума. В связи с этим упразднение Высшего Хозяйственного Суда посредством принятия Декрета Президента есть не что иное, как фактическая корректировка Основного Закона страны в нарушение установленного для этого порядка.

Реформа не обеспечила, да и, очевидно, не способна обеспечить, единство судебной практики: там, где функционирует более одного суда, добиться такого результата, по существу, нереально (не считая уже того, что практика может различаться даже в рамках одного суда) и, конечно же, еще меньше шансов получить подобный результат в той судебной системе, где имеются судебные органы специализированной юрисдикции. Помимо этого для достижения единства судебной практики существуют и другие препятствия. Так, правоприменительная практика по процессуальным вопросам не может быть единой, так как судопроизводство по гражданским и экономическим делам регулируется существенно отличающимися процессуальными регламентами – ГПК и Хозяйственным процессуальным кодексом Республики Беларусь (да-

лее – ХПК), причем, как показывает опыт последних законотворческих работ, по некоторым моментам ГПК и ХПК все больше и больше отдаляются друг от друга [26].

Что же касается правоприменительной практики по материально-правовым вопросам, то, думается, ее единство вряд ли может быть обеспечено за счет проверочной деятельности общих для судов экономического и неэкономического профиля судебных инстанций – Президиума и Пленума Верховного Суда, так как свою проверочную деятельность эти инстанции осуществляют в рамках надзорного производства, являющегося исключительной (т. е. затрагивающей лишь единичные дела) формой проверки судебных постановлений. Определенные надежды в плане унификации судебной практики можно было бы возлагать на руководящие разъяснения (в форме постановлений) Пленума Верховного Суда, однако с момента начала судебной реформы никаких серьезных шагов в этом направлении сделано не было, единственное общее (адресованное судам экономической и неэкономической юрисдикции) постановление, принятое за этот период, касается лишь второстепенных процессуальных вопросов (мы имеем в виду постановление Пленума от 23 декабря 2014 г. № 18 «О применении судами законодательства о признании и исполнении решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений»), причем, как совершенно верно отмечено специалистами [27], попытка Пленума в одном постановлении дать общие для гражданского и хозяйственного процесса разъяснения явно не удалась.

Как таковая реформа не привела к повышению качества осуществления правосудия (скорее наоборот, повысила риск снижения его качества), не сделала правосудие более доступным (в экономическом отношении, в плане возможности получения в суде квалифицированной юридической помощи), не обеспечила дальнейшей специализации судов и судей (военные суды были упразднены, а новые специализированные суды образованы не были, специализация, имеющаяся среди судей, возникла еще до проведения судебной реформы).

Не исчезла и существовавшая ранее проблема разграничения подведомственности между общими и хозяйственными судами – она просто перешла на уровень разграничения подсудности между судами экономической и неэкономической юрисдикции. При этом ГПК и ХПК не позволяют передавать ошибочно принятые к производству дела из судов экономической юрисдикции в суды неэкономического профиля и наоборот. Но даже если бы это и было разрешено, при осуществлении таких передач неминуемо возникали бы серьезные проблемы, связанные с тем, что в гражданском и хозяйственном процессе серьезно различаются требования к содержанию и реквизитам

процессуальных документов, ставки государственной пошлины и т. д. В связи с этим более чем наивным представляется высказанное одним из парламентариев мнение, что «реорганизация судебной системы позволит внедрить своеобразный принцип одного окна, что очень выгодно, с точки зрения граждан» [28].

Судебная реформа обусловила появление терминологической проблемы – какими терминами следует официально обобщенно именовать суды общей гражданской и суды экономической юрисдикции. Внесенные в ГПК и ХПК в 2014 г. изменения и дополнения показали, что таковыми терминами необходимо считать соответственно «суды, рассматривающие гражданские дела», и «суды, рассматривающие экономические дела» [29, с. 54]. Данные термины хоть и верно отражают суть обозначаемых ими явлений, однако достаточно громоздки для употребления и, кроме того, могут приводить к тавтологии – «суд, рассматривающий экономические дела, рассматривает такой-то вопрос». Примером использования подобных тавтологических выражений в настоящее время может служить ХПК, где по всему тексту термин «хозяйственный суд» был заменен на «суд, рассматривающий экономические дела» (в ГПК такой тавтологичности удалось избежать благодаря использованию при внесении в него изменений более совершенной юридической техники).

К несомненным достоинствам реформы следует отнести то, что функции по организационному, материально-техническому и кадровому обеспечению деятельности судов изъяты из ведения исполнительной власти (органов управления юстицией) и переданы Верховному Суду Республики Беларусь. Однако это достижение имеет и негативную сторону: многие вопросы деятельности судов общей юрисдикции теперь будут регулироваться на уровне ведомственных актов Верховного Суда (и многие из таких актов уже приняты [23, с. 5, 6]), которые не являются нормативными правовыми актами и, следовательно, официальному опубликованию не подлежат. Все это значительно снизит транспарентность деятельности судов общей юрисдикции.

Еще один пример осуществления крупных правовых преобразований без надлежащего доктринального сопровождения – реформа исполнительного производства, начавшаяся в связи принятием Указа № 530 [30]. Реформа была подготовлена (если о ее подготовке вообще можно вести речь) настолько поспешно и некачественно, что в наименовании, тексте Указа № 530 и соответственно в названии учрежденной этим Указом системы органов принудительного исполнения была допущена грубая юридическая ошибка – судебные постановления отождествлены с исполнительными документами. Инициаторами реформы был абсолютно проигнорирован предшествующий исторический [31, с. 23–48], а также современный российский негативный

опыт [32, с. 120–122] передачи функций по принудительному исполнению органам исполнительной власти. В сфере исполнения сохранилась фактически та же сама дифференциация, что имела место и до проведения реформы: юрисдикционные акты по гражданским делам по-прежнему реализуются бывшими судебными исполнителями общих судов, оставшимися на привычном для них районном уровне (в отделах принудительного исполнения), а юрисдикционные акты по экономическим делам – бывшими судебными исполнителями хозяйственных судов, продолжающими работать на областном уровне (в управлениях принудительного исполнения). Разграничение компетенции между судами и органами принудительного исполнения было проведено не совсем последовательно. До сих пор не принят закон об исполнительном производстве. Не привела пока реформа и к решению многих уже давно наболевших проблем сферы исполнения: загруженности судебных исполнителей (штат судебных исполнителей не был кардинально расширен), отсутствия гарантий их безопасности (милиция неохотно оказывает содействие судебным исполнителям, а служба силовой поддержки судебных исполнителей создана не была), ненадлежащего материально-технического обеспечения и др.

Приведенные выше примеры убедительно доказывают, что качественное совершенствование гражданского процесса без привлечения к этой деятельности представителей науки невозможно и недопустимо.

Объединение общих и хозяйственных судов может привести к постановке вопроса (и такая идея уже витает в умах некоторых отечественных государственных мужей) о разработке единого процессуального кодекса для гражданских и экономических дел (вместо ГПК и ХПК) по примеру Российской Федерации, где в результате проведения аналогичной реформы судостроительства подобный проект уже находится в стадии реализации. По нашему мнению, говорить о создании единого процессуального кодекса для Беларуси пока еще преждевременно (причем даже в свете того, что мы не разделяем точку зрения [33, с. 14–17] об отраслевой самостоятельности хозяйственного процессуального права). Реализация такой идеи в России стала возможной благодаря тому, что соответствующие процессуальные кодексы – ГПК 2002 г. и Арбитражный процессуальный кодекс (далее – АПК) 2002 г. – там разрабатывались и развивались параллельно, в результате чего однотипно регулируют многие процессуальные отношения, что ставит вопрос о целесообразности их одновременного существования [34, с. 59, 60]. Совершенно иная картина наблюдается в Республике Беларусь: если ГПК 1999 г. является непосредственным преемником ГПК 1964 г., то ХПК 1998 г. после изложения его в новой редакции Законом от 6 августа 2004 г. № 314-З представляет собой почти полное заимствование АПК РФ 2002 г. В таких условиях фор-

мирование единого процессуального кодекса, к тому же с учетом качества современного белорусского законодательства, может принести скорее больше вреда, чем приобретений. Поэтому концептуально развитие отечественного цивилистического процесса в ближайшем времени нам видится в поступательной унификации ГПК и ХПК (как это предусмотрено абз. 10 подп. 49.2 Концепции 2002 г.) с одновременной проработкой на самом серьезном доктринальном уровне направлений и пределов такой унификации, а также целесообразности и перспектив замены двух названных кодексов единым процессуальным регламентом.

Некоторых изменений требует структура ГПК. Так, имеющиеся в настоящее время приложения целесообразно инкорпорировать непосредственно в сам текст ГПК: приложение 1 – в раздел IX ГПК; приложение 2 – в главу 30 ГПК как одну из категорий дел особого производства или в отдельную новую главу как самостоятельный вид неискового производства; приложение 4 – в раздел X ГПК. Это облегчит восприятие нормативного материала, а также более четко определит место соответствующих норм в системе гражданского процессуального права.

Кроме того, нормы раздела VIII¹ как закрепляющие новые виды неисковых производств (а не новые формы пересмотра судебных постановлений) необходимо разместить сразу же после раздела VII ГПК. Дела, предусмотренные § 9, 10, 12 главы 30 ГПК, более правильно отнести к исковому производству, поскольку в них явно просматриваются две стороны и наличие спора (или потенциального спора) о праве. Юридические конфликты, названные в § 6¹ главы 29 ГПК и § 11 главы 30 ГПК, как имеющие значительную уголовную и административно-деликтную окраску следует передать в ведение соответственно уголовного и административного судопроизводства. Наименование раздела VIII ГПК нужно дополнить указанием на третью форму пересмотра судебных постановлений – по вновь открывшимся обстоятельствам.

Полагаем также возможным включение в структуру ГПК таких самых крупных ее элементов, как Общая часть (разделы I–V ГПК) и Особенная часть (разделы VI–X ГПК). К слову сказать, ГПК 1964 г. имел деление на части, хоть и назывались они несколько иначе: Часть первая и Часть вторая. Подобное структурирование, несомненно, облегчит использование ГПК для правоприменителей, поскольку будет явно и четко указывать на соотношение составляющих его содержание норм между собой. Для улучшения взаимодействия норм Общей и Особенной частей нормы Общей части ГПК следует сделать более пригодными для применения в отношении любых видов производств (в настоящее время нормы Общей части фактически рассчитаны лишь на исковое производство, так как сконструированы на основе его тер-

минологии). Более эффективному применению ГПК будет способствовать и легализация такого юридического приема (нередко фактически используемого в настоящее время судами), как аналогия процессуального права и закона.

Одно из перспективных направлений развития ГПК – это дальнейшая дифференциация процессуальной формы. Как показало проведенное исследование, такая дифференциация происходила в основном за счет неисковых производств, и в ГПК практически нет специальных норм, посвященных тем или иным категориям дел искового производства. Думается, что в ГПК было бы целесообразно отразить особенности разбирательства наиболее распространенных в судебной практике (или наиболее сложных, или наиболее важных в социальном отношении) исковых дел: о расторжении брака, о воспитании детей и т. п. Необходимо также урегулировать в ГПК особенности производства по групповым искам (искам в защиту неопределенного круга лиц), возможность предъявления которых предусмотрена материальным законодательством, но пока не подкреплена механизмами процессуального права.

При этом вряд ли правильно пытаться перенести абсолютно все процессуальные нормы из нормативных правовых актов материального права в ГПК (подобное предусматривает абз. 2 подп. 49.2 Концепции 2002 г.). Осуществить это не только невозможно (некоторые нормы права имеют двойное предназначение – регулируют одновременно и материальные, и процессуальные аспекты общественных отношений), но и не нужно (это затруднит восприятие материального законодательства и приведет к неоправданному разбуханию процессуального). В то же время вполне разумно, как это предлагалось в литературе [35], закрепить в ГПК правило о приоритете его норм перед гражданскими процессуальными нормами, содержащимися в иных нормативных правовых актах и прежде всего кодексах материального права.

В плане совершенствования норм о судебной компетенции необходимо исключить из действующего законодательства, в том числе из самого ГПК (см., например, ч. 1 ст. 341, ст. 358 ГПК), все положения, ограничивающие право граждан и организаций на обращение в суды. Нужно устранить или по крайней мере свести к минимуму коллизии компетенции судов экономической и неэкономической юрисдикции (как уже говорилось, это все те же «старые» проблемы разграничения подведомственности дел между общими и хозяйственными судами, которые в обновленной судебной системе просто перешли на уровень подсудности). Вышестоящие суды следует лишить полномочий изымать дела из нижестоящих судов и принимать их к своему производству в качестве суда первой инстанции (ч. 1 ст. 44, ч. 1 ст. 45 ГПК) или передавать дела из одного нижестоящего суда в другой (ст. 52 ГПК).

Корректировки требует правовое регулирование вопросов, касающихся субъектов гражданского процесса. Так, необходимо более последовательно

провести классификацию субъектов гражданских процессуальных правоотношений (ст. 54 ГПК), определив в ней процессуальное положение публики, присутствующей в залах судебных заседаний, лиц, у которых истребуются доказательства, адресатов частных определений и др.; разрешить вопрос об отличиях секретаря судебного заседания – помощника судьи от обычного секретаря судебного заседания; изъять из ГПК фактические «мертвые» нормы об участии в гражданском процессе представителей общественности (ст. 78 ГПК)¹; регламентировать процессуальный статус хранителей спорного имущества (сейчас в ГПК имеются лишь нормы о хранителях арестованного имущества); наделить процессуальной правоспособностью организации, не обладающие правами юридического лица; устранить противоречие между ч. 2 и ч. 3 ст. 59 ГПК в регулировании процессуальной дееспособности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет; урегулировать вопросы усеченной процессуальной дееспособности несовершеннолетних в возрасте до 14 лет; сделать открытым перечень лиц, которые могут выступать представителями в суде (ч. 2 ст. 72 ГПК); определить порядок разрешения коллизий между волеизъявлениями представителей и представляемых лиц.

В области доказывания и доказательств необходимо: закрепить в ГПК правило о том, что бремя определения предмета доказывания и распределения обязанностей по доказыванию лежит на суде; внести определенность относительно того, вправе ли суд по собственной инициативе назначать экспертизу и вызывать свидетелей; придать доказательственное значение мнению (заключению) специалиста, если оно содержит информацию о фактах предмета доказывания; регламентировать вопросы представления, исследования, проверки и оценки доказательств, полученных с помощью электронно-вычислительной техники. Целесообразно также ограничить возможность предъявления сторонами новых доказательств суду кассационной инстанции (кроме случаев, когда доказательства по уважительным причинам не могли быть предъявлены суду первой инстанции) и, быть может, суду первой инстанции на стадии судебного разбирательства (т. е. по общему правилу доказательства должны представляться на этапе подготовки дела). Последнее предложение потребует более полной и последовательной регламентации процедуры раскрытия доказательств на стадии подготовки дела.

Если говорить о формах пересмотра судебных постановлений, то, на наш взгляд, кассационное производство не требует кардинальных преобразований².

¹ Интересно, что первоначально представители общественности как рудимент советского прошлого из проекта ГПК были исключены [1, с. 63].

² Необходимо лишь снять некоторые ограничения права на кассационное обжалование (см. ч. 2 ст. 343, ч. 2 ст. 360², ч. 4 ст. 399 ГПК) и ограничить пределы кассационного пересмотра требованиями кассационной жалобы (протеста).

По существу оно представляет собой неполную апелляцию и с точки зрения нормативного регулирования является достаточно эффективной проверочной процедурой, поэтому введение в отечественный процесс апелляции (о чем сейчас так много говорят) будет лишь терминологическим новшеством и ничем более. Совершенствование кассационного производства должно состоять в другом – в изменении менталитета судей кассационной инстанции, в замене порочной практики безвольного соглашательства с постановлениями суда первой инстанции на принципиально-взыскательный подход к оценке правильности каждого пересматриваемого судебного постановления.

Действительно серьезных корректировок требует надзорное производство: его возбуждение должно происходить непосредственно на основании жалоб юридически заинтересованных в исходе дела лиц, а не по протестам определенных должностных лиц судов и прокуратуры (по крайней мере, должностных лиц судов однозначно следует исключать из числа инициаторов надзорного производства); количество надзорных инстанций следует сократить; срок на подачу надзорной жалобы может быть существенно уменьшен (например, до 1 года); судебные постановления должны пересматриваться лишь в пределах поданной жалобы и подлежать отмене только ввиду очень существенных материально-правовых или процессуальных ошибок.

Исполнительное производство, несмотря на все произошедшие в его организации изменения, целесообразно рассматривать как стадию гражданского процесса – это позволит сохранить в нем высокий уровень юридических гарантий как для взыскателя, так и для должника, что чрезвычайно важно¹. В разрабатываемом законе об исполнительном производстве следует подробно урегулировать процедуры обращения на новые объекты гражданских прав (ценные бумаги, недвижимое имущество, в том числе земельные участки, доли в уставных фондах организаций и др.), а также предусмотреть новые механизмы обеспечения реального исполнения (астрэнт [36, с. 10, 20, 25], временное отстранение должностного лица от исполнения своих обязанностей [1, с. 64], административный арест должника (см. абз. 3 ч. 2 п. 5 Послания 2011 г.) и др.). Хочется выразить надежду, что компетенция суда в исполнительном производстве все-таки будет со временем постепенно расширяться.

По нашему мнению, для Республики Беларусь очень важно имплементировать прогрессивные европейские стандарты в области правосудия по гражданским делам. Пока это весьма затруднительно, поскольку Беларусь не

¹ Показательно, что именно таким образом определено исполнительное производство в решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 20 июня 2014 г. № Р930/2014 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам совершенствования гражданского судопроизводства”».

является членом Совета Европы, а потому для нее Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и прецеденты Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) с формальной точки зрения не являются ориентиром в деле совершенствования гражданского процессуального законодательства¹. Между тем многие из тех проблем, которые становились предметом разбирательства в ЕСПЧ, актуальны и для Республики Беларусь, в частности это отсутствие комплекса гарантий на получение защиты в разумный срок; недостаточная транспарентность правосудия и судебных постановлений и др.

В завершение следует сказать, что мы не разделяем одобряемого руководством Верховного Суда Республики Беларусь «пути максимального упрощения всех процедур, избавления от формальностей и прочих подобных явлений, отягощающих правосудие» [11], отказа «от необязательных, формальных процедур» [10, с. 5]. Это очень скользкий и опасный путь, который наше государство уже проходило в первой половине прошлого века. Важно помнить, что «если бы развитие шло только через упрощение, судебный процесс давно бы деградировал. Возможности упрощения ограничены. Упрощение в одном компенсируется усложнением в другом» [37, с. 8]. В настоящее время мы не видим в гражданском процессе таких формальностей или процедур, от которых можно было бы однозначно и безболезненно отказаться. Наоборот, процессуальные гарантии должны всемерно усиливаться. Повышать же эффективность правосудия в условиях растущих объемов нагрузки надо не через бездумное упрощение, а посредством значительного расширения судейского корпуса и кардинального улучшения его качественного состава. С тем же кадровым потенциалом, который имеется у нас в судах неэкономической юрисдикции, мы далеко не уйдем, что, собственно, признают и сами функционеры судебной системы [23, с. 8].

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- ГПК 1999 г. сформировался под самым непосредственным влиянием советских традиций в организации гражданского процесса, вследствие чего по существу является модернизированной версией ГПК 1964 г.;
- совершенствование гражданского процессуального законодательства за истекший период обусловили несколько причин: значительное увеличение судебной нагрузки, развитие материальных отраслей права, потребность по-

¹ Нельзя не отметить как положительный момент, что Конституционный Суд Республики Беларусь в последнее время достаточно часто в своих решениях, в том числе касающихся гражданского судопроизводства (см., например, вышесказанное решение от 20 июня 2014 г. № Р-930/2014), апеллирует к указанной Конвенции и правовым позициям ЕСПЧ.

вышения эффективности гражданского процесса, необходимость приведения гражданского процессуального права в соответствие с иным законодательством;

- совершенствование гражданского процессуального права должно происходить в тесном взаимодействии с представителями науки;

- предпосылки для разработки единого процессуального кодекса еще не сложились, концептуально развитие цивилистического процесса в ближайшей перспективе должно состоять в поступательной унификации ГПК и ХПК;

- дальнейшее развитие гражданского процессуального законодательства связывается нами с совершенствованием структуры ГПК, дифференциацией гражданской процессуальной формы, имплементацией европейских стандартов в области правосудия, корректировкой норм о судебной компетенции, о субъектах процесса, о доказывании и доказательствах, о формах пересмотра судебных постановлений, о судебных постановлениях и об исполнительном производстве;

- повышение эффективности гражданского процесса в настоящее время напрямую зависит от значительного расширения судебного корпуса и кардинального улучшения его качественного состава.

Библиографические ссылки

1. *Колядко И. Н.* Проблемы и практика кодификации процессуального законодательства по разрешению споров физических и юридических лиц в Республике Беларусь // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3, Гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія, эканоміка, права.* 1996. № 2. С. 62–66.

2. Гражданский процесс. Общая часть : учебник / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. 2-е изд., перераб. и доп. Минск : Амалфея, 2006.

3. *Малешин Д. Я.* Гражданская процессуальная система России. М. : Статут, 2011.

4. *Мирониченко И.* Защита прав граждан и интересов государства в гражданском праве и судопроизводстве // *Верховный Суд Республики Беларусь : история и современность (1923–1998)* / под ред. В. О. Сукало, Л. Л. Зайцевой. Минск : Интер Дайджест, 1998. С. 18–26.

5. Работа судов общей юрисдикции в 2000 году // *Юстиция Беларуси.* 2001. № 1. С. 15–16.

6. Статистические данные о работе судов Республики Беларусь в 2005 году // *Юстиция Беларуси.* 2006. № 3. С. 20–24.

7. Информация о работе общих судов Республики Беларусь в 2010 году // *Юстиция Беларуси.* 2011. № 3. С. 18–22.

8. *Сукало В. О.* Судебная реформа в Республике Беларусь // *Судебные реформы в странах СНГ : сб. науч. ст. / сост. Л. Л. Зайцева, И. В. Кучвальская ; науч. ред. Л. Л. Зайцева.* Минск : Тесей, 2005. С. 7–14.

9. *Сукало В.* Основные проблемные вопросы правосудия на современном этапе и пути их разрешения // *Судовы веснік.* 2010. № 1. С. 3–8.

10. Сукало В. О проблемных вопросах в работе общих судов и мерах по совершенствованию их деятельности // Судовы веснік. 2011. № 2. С. 4–6.

11. Ружечка А., Рудь Р. Судья всегда под микроскопом : [интервью с Председателем Верховного Суда В. Сукало] [Электронный ресурс] // Советская Белоруссия. 2010. 1 янв. URL: <http://www.sb.by/obschestvo/article/sudya-vsegda-pod-mikroskopom.html> (дата обращения: 29.06.2015).

12. Скобелев В. П. Проблемы мотивированности судебных решений в гражданском процессуальном праве Республики Беларусь // Вестник гражданского процесса. 2012. № 3. С. 167–192.

13. Информация о работе судов Республики Беларусь в 2011 году // Юстиция Беларуси. 2012. № 3. С. 9–13.

14. Информация о работе общих судов Республики Беларусь в 2012 году // Юстиция Беларуси. 2012. № 3. С. 14–18.

15. Скобелев В. Новое в регулировании гражданского судопроизводства (комментарий к Закону Республики Беларусь от 01.07.2014 № 175-3) // Юрист. 2014. № 9 (160). С. 10–13.

16. Скобелев В. П. О праве суда вынести решение в предварительном судебном заседании // Современные тенденции кодификации законодательства (10 лет ГПК, ХПК, ТК Республики Беларусь) : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6 нояб. 2009 г. / редкол.: Т. А. Белова [и др.]. Минск : Белпринт, 2009. С. 91–105.

17. Скобелев В. Гражданское процессуальное законодательство Республики Беларусь: еще раз о новеллах // Юстиция Беларуси. 2012. № 12. С. 46–50.

18. Забара А. Гражданское судопроизводство: состояние и перспективы его совершенствования // Судовы веснік. 2010. № 3. С. 3–6.

19. Бодакова О., Самолюк В. Заочное производство в гражданском процессе // Судовы веснік. 2011. № 1. С. 75–79.

20. Скобелев В. П. О проблеме вручения заочных решений // Импортозамещение в инновационной экономике: экономические и правовые аспекты : материалы III Межвуз. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов и студентов, Могилев, 24 апр. 2014 г. / редкол.: Л. А. Самусева (отв. ред.) [и др.]. Могилев : МФ БИП, 2014. С. 163–164.

21. Чего ждут юристы от объединения систем судов // Юрист. 2013. № 12. С. 61–68.

22. Бельская И. А. Реформа судебной системы // Промышленно-торговое право. 2014. № 1 (135). С. 8–10.

23. Сукало В. Пути совершенствования судебной системы Республики Беларусь // Судовы веснік. 2014. № 1. С. 5–10.

24. Половинко М. Объединение судов: реформа состоялась! // Юрист. 2013. № 12 (151). С. 11–14.

25. Скобелев В. П. Судебная реформа в Республике Беларусь и ее влияние на цивилистический процесс // Перспективы реформирования гражданского процессуального права : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 21 февр. 2015 г. / под ред. О. В. Исаенковой. Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «Сарат. гос. юрид. акад.», 2015. С. 276–279.

26. Скобелев В. Медиация по гражданским и экономическим спорам: оправданны ли различия? // Юрист. 2014. № 2 (153). С. 57–61.

27. *Сысуев Т., Шалбанова А.* Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений в Республике Беларусь (комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23.12.2014 № 8) // Юрист. 2015. № 3 (166). С. 14–17.

28. Благодаря объединению общих и хозяйственных судов в Беларуси повысится уровень обслуживания граждан – Виктор Русак [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=137293> (дата обращения: 29.06.2015).

29. *Скобелев В.* О новеллах в регулировании гражданского судопроизводства // Юстиция Беларуси. 2014. № 10. С. 54–58.

30. *Скобелев В. П.* Реформа исполнительного производства в Республике Беларусь // Научные труды. Российская академия юридических наук / редкол.: А. К. Голиченков [и др.]. М. : Юрист, 2015. Вып. 15. С. 905–909.

31. *Малешин Д. Я.* Исполнительное производство (функции суда). 2-е изд., перераб. и доп. М. : Городец, 2005.

32. *Боннер А. Т.* Исполнительное производство : отрасль российского права или стадия процесса? // Избранные труды по гражданскому процессу. СПб. : Изд-во юрид. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С. 108–129.

33. *Каменков В. С.* Хозяйственный процесс : учеб. пособие. Минск : Книж. Дом, 2005.

34. *Ярков В.* Развитие российской судебной системы в ближайшей и отдаленной перспективе (краткие тезисы) // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8. С. 58–64.

35. *Колядко И. Н.* Трудовой кодекс и процессуальные средства защиты [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2015.

36. *Кудрявцева В. П.* Исполнение требований неимущественного характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. Екатеринбург, 2013.

37. *Мурадян Э. М., Тихиня В. Г.* Оптимальное судопроизводство (по гражданским делам). Минск : Университетское, 1989.

Статья поступила в редакцию 10.07.2015